

ПО ТУ

Алексей Биргер СТОРОНУ ВОЛКОВ

С Алексеем Биргером, автором более 60 книг, детских детективов и знаменитой, уже экранизированной «По ту сторону волков», мы встречались несколько раз между его постоянными отъездами куда-то и возвращением откуда-то. Он наговорил мне несколько магнитофонных кассет, где на любой вопрос начинал отвечать так издалека, что дойдя, наконец, до прямого ответа, сочинял целую повесть. Но стоило мне сесть за их расшифровку, как что-то не получалось. В конце концов вообще завис-полетел компьютер... Одним словом, в воздухе отчетливо запахло серой. Что и понятно, если учесть, о чем пишет Алексей Биргер!

Сергей МОЛЧАНОВ

— Откуда вы только что вернулись?

— Я ездил на Международный книжный форум, посвященный 300-летию Петербурга, где представлял своих «Волков» и повесть «Стеклодув» из новой серии «Магия мастера». «Радио России» к этому событию поставило по нему спектакль в 15 серий, который прошел «на ура», спасибо редактору Ольге Хмелевой и актеру. Я никогда не думал, что радио до сих пор имеет такую власть и влияние. «Стеклодув» раскупили всего, он «пошел» даже лучше «Волков». В «АСТ» 15 лет назад от него отказались, а сейчас мне редакторы сказали, что начальство локти кусает!

— У вас даже в названии серии заявлена магия...

— Это серия о людях, которые достигли сверхъестественных связей со своим даром, вершин в своей профессии. Это несколько похоже, как мне говорят, на Стивена Кинга, но я считаю, что это ближе к моему любимому Лескову с его восхищением Мастерами. А если и на Стивена Кинга похоже, то, значит, он у Лескова тоже воровал!

— Ну да?!

— А как хотите, так и думайте. «Стеклодув» — о Мастере, достигшем таких вершин в творчестве, что, если у него появляется враг или нелюбимый человек, то любое стекло лопається, ранит или рубит голову этому человеку. И он понимает, что должен договориться с материалом так, чтобы не ставить под угрозу жизнь других людей. Но кто будет посредником...? Далее в серии идут «Властелин огня», «Библиотекарь», сейчас заканчиваю «Винное дело».

Выходит серия в издательстве «Глобулус».

— А как началось писательство детских детективов? Наверно, прикинули к носу соответствующее место, разглядели пустующую конъюнктурную нишу и...?

— Я никогда не шел на поводу у требований коммерческой литературы, всегда поступал так, как считал правильным. Из-за этого у меня были конфликты с издательствами. В некоторых меня не хотели печатать, пока я не возьму псевдоним, авторское право на который принадлежало бы им. В других хотели замолчать мое филологическое и театральное прошлое, так же как, представляя на обложке Татьяну Полякову, ее низвели из доктора филологических наук, университетского профессора в... простые воспитательницы детского сада с высшим образованием! Человеческих претензий у меня к этим издательствам нет, там работают замечательные люди, я всегда готов с ними сотрудничать, но на моих условиях. Я читал театроведческие лекции в Бразилии, вел семинары по сценографии театральным художникам в Сибири и на Западном Урале, а переводил сколько! И хочу, чтобы мой читатель знал, кого он читает.

— И кого же он читает?

— Писать я начал очень рано. Стихи, рассказы... Относился к этому очень серьезно, но никогда не думал на это жить. Когда «Новый мир» напечатал большую подборку моих стихов, я успокоился. Поступил в школу-студию МХАТа, потом перевелся и окончил ГИТИС, постоянный факультет. При этом я постоянно читал и переводил английские детские детективы. И в 89-м, когда образовалось «Совершенно секретно», где работали мои однокашники по 127-й знаменитой школе якобы рабочей молодежи, я предложил им эти переводы, а попутно закинул удочку: мол, ребята, есть совершенно не разработанный в нашей стране жанр — детский детектив. То есть были, конечно, «Кортик» и другое у Рыбакова, повести у Алексина, но это были единичные явления, которые в отдельное направление литературы не выросли. И они вывели меня на издательство «Евразийский регион», для которого я написал первые пять детских детективов, а потом для «ЭКСМО» еще тридцать.

— Стихи, театральная студия, переводы... Судя по всему, вы из сугубо интеллигентной семьи?

— Мой отец — художник Борис Биргер. Мама, дай Бог ей здоровья,

проработала почти всю жизнь в Музее имени Пушкина старшим научным сотрудником. Отец известен всему художественному миру, кроме России, где из-за каких-то внутренних галерейных игр его имя специально замалчивают. А в СССР его выгоняли из партии и из Союза художников, приписывая антисоветскую деятельность. В апреле этого года ему исполнилось бы 80 лет, и по поводу юбилея даже в Японии, я уж не говорю про Францию, США, Германию, Израиль, прошли выставки, изданы каталоги, были сняты телепередачи. В Англии, где Оксфордский университет устроил одну из лучших выставок отца, вышла огромная статья в «Таймс». А в Москве — никакого отклики, кроме личной инициативы Театра «Современник». Кстати, выставка в фойе «Современника» открыта до сих пор. Галина Волчек и Игорь Кваша действительно сделали для него в свое время очень многое. Кваша лично ходил в 83-м году к генералу, начальнику Московского КГБ и добился, чтобы с отца сняли клеймо диссидента и чтобы он мог оформлять спектакли «Современника» под собственным именем.

— Но с диссидентами вы, конечно, были знакомы...

— С детства. В наш дом приходили Андрей Дмитриевич Сахаров, Юрий Домбровский... На машинке в восемь лет меня научила печатать Надежда Яковлевна Мандельштам. Литературе, именно как работать со словом, насколько нравственным должно быть общение со словом, меня научил Юлий Даниель, потрясающий человек, таких чистых людей я больше не встречал. А Юрий Домбровский оказал на меня огромное влияние своей жизненной позицией. Помню, он получил первый валютный гонорар за «Хранителя древности» и купил всяческих вкусных продуктов в «Березке». При этом жил так, что в доме не было даже посуды, и приглашенные гости пили лучший в мире виски из майонезных баночек. Это был его стиль жизни, свободный, но не скатывающийся в богемный, который и я хотел бы соблюсти.

— Отношения с коллегами поддерживаете?

— Да практически никаких. Постоянные только с Владимиром Войновичем и Олегом Чухонцевым. Из детективщиков мне нравится кое-что у Татьяны Поляковой, она очень неровный писатель, и у Полины Дашковой, но на мой взгляд, она стала сдавать. У

Вики Платовой совершенно европейская проза, но много кусков, написанных только для объема. Совершенно не понимаю успеха Корецкого.

— Вы очень схожи внешне с Владимиром Хотиненко, режиссером фильма «По ту сторону волков»...

— Да, есть такое. Мы с ним — единомышленники, хотя поначалу страшно ругались, но не из-за сценария, а из-за подбора актеров. Я видел одних, он предлагал других. После успеха фильма (а доля в рейтинге 18 с половиной означает, что его смотрело не менее 80 процентов зрительской аудитории) сейчас снимается продолжение по «Ведьминому кругу» и «Бездне», еще 12 из задуманных 36 серий. К Новому году их должны показать по ТВ.

— Режиссер и актеры — те же?

— Хотиненко предложил режиссером вместо себя своего ученика Сергея Русакова. Высика играет «агент национальной безопасности» Михаил Пореченков. Я к этому отношусь двойственно. Потому что Галкин под руководством Хотиненко сыграл отлично. Но и Пореченков мне очень нравится, я видел его первые пробы и как он играет в театре. Это фантастика! В продолжении не будет доктора, которого играл Гафт. Мы не можем рисковать ни его здоровьем, ни съемками, у Гафта после трагедии с дочерью через день случаются сердечные приступы, его увозят на «скорой»... Будет совсем другой доктор — Будрайтис. Я специально под него написал ему новую биографию. Все, и так сказал больше, чем имею право!

— Расскажите о своей семье...

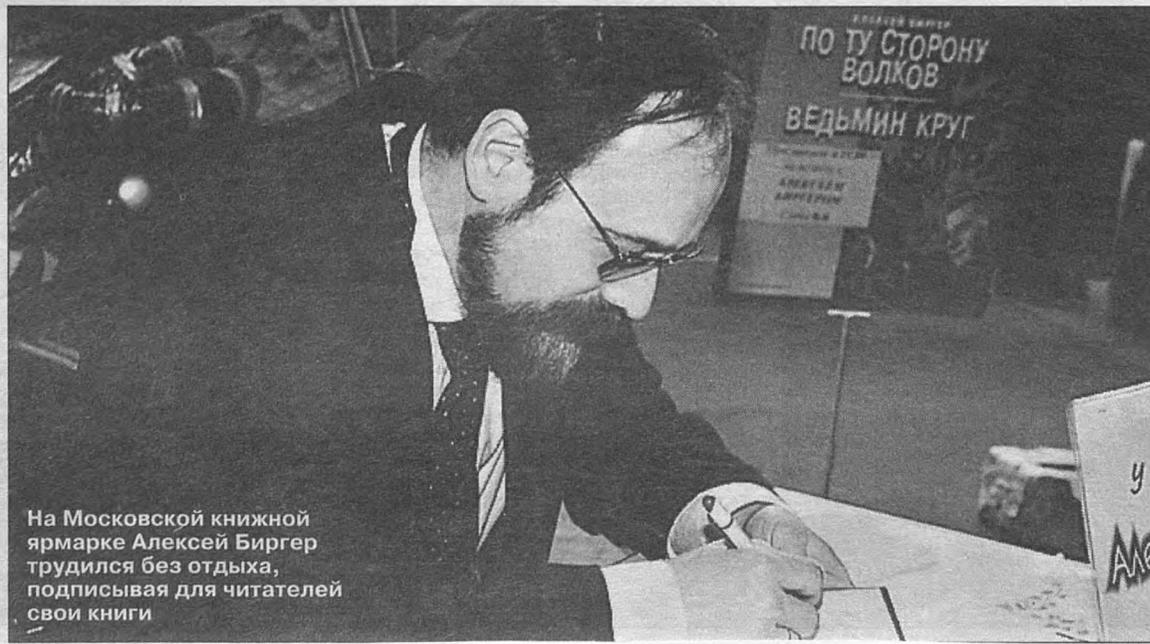
— Семья у меня огромная — мама и дети: два мальчика и две девочки от четырех жен. Я их очень люблю. На самом деле я человек очень верный. Но, как говорил мой отец, у меня в характере есть свойство стальной пружины: тебя сжимают, ты идешь на все, чтобы избежать скандалов, а потом взрывается. Во мне есть это Лесковское: от него ушли все жены из-за его взрывов ярости, когда он мог уже набить морду вусмерть. Я этого не делал. У мамы со мной лет до двадцати действительно были проблемы, я очень заводился, пил. С последней женой мы вместе уже двенадцать лет. Старшая дочь как лучшая студентка своего вуза получила стажировку в Берлинском университете на филфаке, младшая идет на золотую медаль в школе. Старший сын — журналист. Младший — школьник. Жена — достаточно известный писатель, меняющая псевдонимы.

— Замечательно! Что в планах?

— Замечательно, да не все. Сейчас мне надо зарабатывать много денег. Потому что мама болеет, нужно оплачивать сиделку. Сыновьям необходимы дорогие повторные операции, они оба попадали в страшные травматологические ситуации, и последствия сказываются до сих пор.

— Алексей, вам не кажется, что это, может быть, цена «заглядывания» по ту сторону... волков и людей?

— Не надо путать причину и следствие. К «заглядыванию» я отношусь спокойно, как «рукомесленник». Лесковское слово. Если бы мне сейчас больше платили за то, что я умею делать венские стулья, чем за то, что я умею писать детективы, я бы ни одной странички в жизни больше не написал! Может быть.

На Московской книжной ярмарке Алексей Биргер трудился без отдыха, подписывая для читателей свои книги